

АННА ГОЛЬЦ

Шкура

ИПО «У Никитских ворот»
Москва, 2013

УДК 82-1

ББК 84(2Рос=Рус)6.5

Г 63

Г 63 Анна Гольц

Шкура. Сборник стихотворений. — М.: ИПО
«У Никитских ворот», 2013. — 48 с.

ISBN 978-5-91366-698-7

*В оформлении обложки использована иллюстрация
художника А. Кабакова*

Анна Гольц — молодой поэт, неформат для нашего времени: самоучка, за чьей спиной несколько авторских вечеров и подлинный интерес со стороны публики.

В первый поэтический сборник вошли произведения, отражающие глубокие переживания поэта и его стремление к самопознанию. По словам самого автора, шкура — книга о сущности человека, его пороках и связи с природным миром.

Сборник издан при поддержке спонсора

ISBN 978-5-91366-698-7

© Гольц А., 2013

© Кабаков А., 2013

© Оформление ИПО «У Никитских ворот», 2013

Биография в двух словах

Анна Гольц родилась в 1994 году в г. Сочи. Стихи пишет с детства, в школьные годы была организатором независимых литературных встреч. В этот же период становилась участником тематических конференций и открытых фестивалей, что сыграло важную роль в становлении Гольц как свободного поэта, целеустремленного человека и уверенной в себе личности.

Переломным моментом в биографии считает 2012 год. С этих пор Анна осознанно меняет всю свою жизнь, результат этого — большие перемены. Активная работа, знакомство с новыми людьми и, конечно, новые цели...

С мая 2013 года ведет блог в интернет-сообществе «LiveJournal» и готовится к выступлениям в городах России. Стоит только пожелать терпения в нелегком деле, ведь все, что мы видим на сегодняшний день, не только подводит итог 8-летней деятельности, но и открывает абсолютно новый этап творчества молодого поэта.

Дети в пижамах

Я постоянно сижу в одиночестве,
Пальцами мну голубой пластилин.
Милая до ночи снова разносчица:
Кажется, ей не хватает сил.

Этой что Крым, что Канада в бинокле!
Думать о счастье – забота врачей,
Снизу доносятся детские вопли.
Если ты болен, то просто ничей.

Дайте мне пулю, свисток на веревке,
Дайте мне пачку российских газет.
Скоро умру, не пройдя стометровки,
Тело погрузят в большую газель.

Очень похоже на то, как под ужин
Жадно клюет себя зрелый петух.
Мне ведь, родная, никто и не нужен,
Видеть бы только детей поутру.

Черти

Молчание. В коридоре
Под полом сыреет пол:
Я чувствую что-то родное.
Каплями валидол,

Смычок на безликой скрипке.
Мыши бегут. Вода.
Тело становится липким:
Я не был таким никогда.

Под полом – заплесневелость.
Черти не поспешат.
Дай бог мне набраться смелости
Ближе к ним сделать шаг.

Зову в коридор, без связок.
Под ноги уходит настил.
Я не был мертвым ни разу,
Ни разу у них не гостил.

Молчание. У калитки
Трезвеет соседская пьянь.
Часок, и слышатся крики,
Маты – куда не глянь.

Топор между ребер. Черти,
Бессовестные должники!
Я выйду во двор, а качели
Услышат мои шаги.

Бессмертие

Во вторник без слова соседу,
Прилягу в медвежьей берлоге.
За стенкой идут нога в ногу
Знакомые лица и бредят.

И кем я был в стареньком склепе?
Не ел, утром пил – понемногу.
Остался б ребенком и смог бы
Молчать на семейном совете.

А звезды, наивные, светят.
А люди наивные богу:
– Дай сил нам и хлеба в дорогу.
Рабы твои, Маша и Петя.

Он мог бы вставать на рассвете
В погоду и непогоду,
Чтоб думать весь день о бессмертии,
Но стоит ли его трогать?

В метель на крыше

Укутан в пальто младенец,
 полтинник в ладони скомкан:
Запах сырых полотенец.
 В надежде понять все толком
В уютный охотничий домик бегут
 из землянки мыши.
Оставшихся просто гонят –
 остаться в метель на крыше.
В метель еле-еле дышат,
 стоят у вокзала «кареды».
– Меня к магазину поближе:
 промокли все сигареты.
Закончились бабские терки,
 мы дружно надели калоши.
Я будто давно уже мертвый.
 Я будто до дырок изношен.
Звонки нелюбимых хозяев с утра
 не дадут оклематься:
Жизнь – поприще негодяев,
 да уличные романсы.
К субботе дождемся спасенья:
 отчистят в Москве тротуары,
И праздничную неделю
 поделят вконец на пару.

Закладка асфальта

Я не спасаю голову от трещин,
Они во мне совсем невелики.
Я не вношу в свой дом чужие вещи,
Когда пытаюсь из него уйти.

Сырой асфальт блестит на солнцепеке,
Ему бы к вечеру, да полностью остыть.
И кажется мой путь таким нелегким:
Единоновременно и полным, и пустым.

Останкино

Стоят с детьми под выбеленной аркой,
Пчелиный рой у матки на стене.
Он в детстве по дороге этой шаркал,
Теперь сидит на крыше в западне.

А мы в тени, привыкшие не чавкать.
Суем в карманы руки. Две руки,
Похожие на лягушачьи лапки.
Вино же оказалось в меру сладким –
Вчерашним опасениям вопреки.

Торжественно развернут флаг на башне,
В повозке с мусором пластмасса не горит.
Стоят с детьми, измученные кашлем:
Не дай бог, если это менингит.

А мы в обход, разутые сельчане.
Коровы и быки – рогатый скот:
Храпим весь день и просыпаемся ночами.
Хотя случается, и здесь – наоборот.

Стоят с детьми под выбеленной аркой,
Жена хромая просит напоить.
Я помогу ей, ведь в душе немного жалко,
Что ноги не шевелятся в пыли.

Героин

Если в чай добавить лимонного сока, тут же
воротит!

В нос називина несколько капель требует мать.
Им и дышу, выходя из подъезда, будто
наркотиком.

Мальчики тоже любят порой горевать.

Свежие овощи, чей-то каблук упирается
в родинку.

С женщиной я, как обычно глуп. Как обычно,
груб:

Куда не смотри: не красавец и даже не модник
(снова надел в июле казенный тулуп).

Сквозь стены проходит холод, почти
насквозь.

Стол жирный от недоеденных сал и сала.
Ты, милая, сразу побольше сахара в чашку
брось:

Чего, а уж этого счастья в доме навалом.

P.S: Чтоб быть мне живым, нужно бы языка
покороче,
Собрать в огороде остатки сухой листвы.

Я чувствую свежую плоть, но только
на ощупь.
Все остальное, конечно, зреешь один лишь Ты.

Всенародный праздник

Таксисты собираются у входа,
В кармане две монеты и бычок.
Страна встречает праздник всенародный!
Вода из под автобусов течет.
Прохожие угрюмые как щуки,
Но среди них встречаются друзья:
Столкнемся на бегу и долго шутим,
Нам по-другому, в общем-то, нельзя.
В ларьках скучают полки с алкоголем,
Одна из тех бутылок ждет меня.
Я пьяным себя чувствую на воле
(Никто ее не вздумает отнять).
И в гуще привокзальных столкновений
Бродяга поднимает кошелек,
Там будет два рубля, а может евро:
В такой-то день ему на посошок.
Таксисты суетятся под куранты,
Индейку запекают с имбирем.
И смотрят проститутки так злорадно,
Что кажется, проглотят целиком.

Быть трезвым!

Да что там трезвость,
Я до сих пор не могу молиться.
Крест, говорят, – спаситель? По мне, так ноша.
Болит голова и мучает поясница:
Уж слава богу, пьяный, а не усопший.

Девушке с пистолетом

Ты слышала, с утра скребется
На улице чужой щенок?
Взгляну: он первый отвернется,
За ним и я на правый бок.
Сквозь стены чувствую, как двери
От солнца скрыты козырьком,
И свечи в доме догорели:
Мучительно со всех сторон.

Долго

И не смей отворачиваться при встрече,
Запах йода в области ножевой:
Я привыкла нарочно себя калечить,
По-другому, чувствую неживой.

Не пытайтесь корчиться от простуды,
Нам из целой останется только треть.
Я привыкла долго ходить по кругу,
Пусть и знаю, что многое нужно успеть.

Рабовладельцы

К одиннадцати у детворы не остается времени,
У меня нет сил возвращаться все время первым.
Я только пью – говорит прохожий. Всегда до дна:
Так только вопли, и путь недолгий, и смерть видна.
Жизнь, сволочь – ржавая и негодная для питья.

Он часто врет, потому что с детства учили молчать
И снег лишь два раза в году выпадал по ночам.
Пустой конверт в забытом шкафу, еще час и его
Уже не закинут в печь как сухое бревно.
В нем словно в клетке: в июле холодно и темно.

В тюрьмах

Октябрь – самый холодный месяц
Из всех, что когда-либо наступал.
Мне не было дела до тех, кто повесился:
Сам он повесился, или не сам.

Рождались больными дети и козы,
Зима провожала с довольным лицом.
Январь, по обычаю, весь под наркозом:
Десять минут, вот и дело с концом.

Живыми к июлю остались десятки,
Я многое видел на тех рукавах.
Мы все оказались в одной палатке,
Хоть кто-то когда-то и был не прав.

Октябрь – самый жестокий месяц.
И я в нем не болен, а только нищ.
Вы гнали каждую муху в пепельницу,
В общей сложности сотни тысяч.

Вы говорили только о важном:
Когда, кому и как долго торчать.
А Джон собирал нам в дорогу бумажки,
Дабы не спали друзья по ночам.

Сигары

Чем убивать, так стеклянным блюдом.
Один на один: тигренок и кенгуру.
Марш под дверьми – на улице оченьлюдно.
Если удастся, сразу же убегу!
Чистый четверг, навстречу Понтию Пилату...
Марш под дверьми: «против» и «за» палачей.
Если убью, то буду всегда виноватой
И не сомкну отныне своих очей.
Мимо ушей плывут соседские слухи:
Кто и когда на пристани встал больным.
Этот вчера ушел, не выдержав скуки,
И я, пожалуй, вскоре уйду за ним.
Марш во дворе, среди озверевших кошек
Стою без кепки с некрепкой «Cuesta-Rey».
Время дает возможность нам быть поплоше,
И делать что-либо в этой спешке еще быстрее.
А ты сиди, отстреленный, словно заяц
Попал под пулю и спрятался за кустом.
Если убью, то тут же об этом узнают
И смело посадят нас за одним столом.

Пароход

Капли в воду падают не чаще,
Чем я опускаю взгляд к пруду.
Он и вправду очень настоящий:
Не такой, как если я умру
С сигаретой в пальцах и курящей.

Капли в лужу, с грязью вперемешку.
Здесь бы не пытаться, а уметь!
Быстро опускаешь взгляд к тележке,
Повезет – успеешь рассмотреть:
Капитан в лицо глядит с усмешкой.

Секундомер

Парой минут обойтись и нечаянно вскрикнуть:
Быстро, как будто чихнул и приставил ладонь.
Первые помнят, вторые дергают сзади нитки,
Это – сигнал к защите, снова огонь.

Порванные перчатки в сугробе. Знать бы
Сколько ему осталось кнутом по спине!
Бабки пророчат любовь и пышную свадьбу,
Если не будет тем временем где-то сидеть.

Улицы выживают нас из подъездов:
Нет электричества, скиньтесь на домофон.
Я прихожу домой, словно падаю в бездну:
Пару минут и включается телефон.

Слово свободным, брошенным и убитым!
Я перед смертью пал у копыта, пожар:
Пару минут и рядом могильные плиты:
Только зачем я так долго его ожидала?

Раненные тополя

Тополь. Ступни можно оголять,
К августу сниму с макушки шляпу.
Снова буду жертвой. Нет, опять.
И в лесу ругаются без мата.

Дважды воскрешать в себе любовь,
Так Танюша, уронивши в речку мячик,
Поднимает и роняет его вновь.
Тополя вчера стояли здесь иначе.

Не давали сделать мертвым вздох
И отчаянно в поту вздыхали сами.
Нам в лесу не хватит даже дров,
Мы бы возле них всю ночь плясали.

Трижды напоить себя слезой,
Выбросить в кусты пустую рюмку.
Урожайный таки выдался сезон,
На обратном выйду к переулку.

Надышался запах весны.
Той, что ожидал босым мальчишкой,
И вернулся к маме блудный сын:
– Столько лет прошло! Не плачь, глупышка.

Урожай

Пока мы дружно сидим в темницах,
На мешочках с горохом. Страна очень бурно
Обсуждает свое поражение,
Стоит ли с ним мириться,
Как же нам дальше обогащаться,
В том числе, и культурно!

Калифорния

Кого еще так любить, как свое начальство?
Орава без спросу лезет в мою контору.
Хотел бы я разорвать их на мелкие части,
Но всегда опасался (не драки, а просто спора).

За руль не сажусь, если еду – навстречу Вере.
Хамье по привычке лезет вперед толпою,
Хотел бы я подтолкнуть их поближе к смерти,
Но думаю не педалями, а головою.

Вернусь на Восток, дырявый и облысевший,
Холодные зимы мне спать не дадут в одиночку:
Начну приводить к себе в дом незнакомых женщин.
Я с детства боялся ходить по улице ночью.

Что еще так терпеть, как твои скандалы?
Дебоши. Привычку думать об авиакатастрофах.
Хотел бы, чтобы ты никогда не вздыхала
И каждый четверг танцевала со мной фокстрот.

* * *

Еще четверть и стрелка встанет на место,
Утром уже пойдут проливные дожди.
Я живой, а из сердца торчат ножи:
Ничего, когда-нибудь, да воскресну.

Бронебойка

Проснулась вечерняя зорька,
рубаху съедает вошь.
И падает вниз бронебойка как на пол
кухонный нож.
Затишье – удел ренегатов
(из дома в соседский чертог).
Я не был ни разу богатым,
а тут погляди, занемог.
Налить бы в кувшин лимонада,
отпить как святой воды!
Нет сил чтобы жить, а надо:
хотя бы оставить следы.
Увидеть последнюю птицу,
взглянуть на густой туман.
Я мог бы давно уже спитя,
но пуст как всегда стакан.
Не верю забитым козлятам
и проданному королю,
Не быть мне уже распятым,
я этого так не люблю.
Проснулась вечерняя зорька,
рубаху съедает вошь.
И падает вниз бронебойка как на пол
кухонный нож.

Двадцать четыре

И как свысока, если кто-то
Свыше глядит тебе в лоб?
Не бойся остаться двухсотым
В списке «на эшафот».

Сегодня прыгнешь в маршрутку
С папкой ценных бумаг,
И взбесишься не на шутку:
Что-то опять не так.

И боль покидает колени,
Уходит скорее вниз.
И люди рычат, как звери
На стаю подстреленных птиц.

Ты слушаешь подопечных,
Умеющих исцелять
Когда на их ляжешь плечи.
На раз-два, четыре-пять.

В твоём кабаке без воплей,
Мужчины без проводниц.
Ах, как они любят шлепать
Сандалиями крылья птиц.

А я не терплю женатых
И вставших на полпути.
У первых вся жизнь неладна,
Другие не могут уйти.

Урна с прахом

Чтобы остатками этих пальцев
В урну клали мою труху.
Осенним вечером, с целью остаться
Прибуду с запахом моря к утру.

Белым, почти невесомым пеплом,
Искренним счастьем у детворы.
Я поживу, пока ты усердно
Тащишь все за собой в обрыв.

Телевидение

В газетах не пишут о свадьбах
обычных дворовых ребят.
TV не заменит детсада, и я тому искренне рад.
Я рад митингующим толпам
напротив моих ворот,
И каждой новой пластинке с лицом
Мэрилин Монро.

Обратно дорога не пустит. Встану
в двойной тупик:
Что скажут об этом гости,
и выйдет ли кто-то на крик.
Я сам себе выбил предплечье
в надежде увидеть как
Время все раны лечит.
Кстати, никак.

Простуда

Доктор писал невнятно, а я не старалась:
Что-то о жизни. Мол, надо себя беречь.
– Бросьте, Андрей Петрович, такая малость!
Приду, обязательно сяду с Иваном на печь.

К лету не встать, белье во дворе не развесить.
Так и не выбрать вовремя цвет волос:
А ты не жди, пока грива покроется плесенью,
Ты не тяни, а то челка достанет носа.

Диктатор

Пустые комнаты тянутся вдоль коридора,
Пустая полка так и стоит, упрямец.
Ваше время закончилось очень скоро:
Как только он, всеми любимейший, поднял палец.

К пустому столу не встанет чужая мебель,
Я пил до утра на коленях подаренный виски.
Наше время закончилось очень быстро:
Он повернулся и поднял голову кверху.

* * *

В будке слепого странника
Настало утро.
Стены всю ночь терзали:
Внешне и внутренне.

Стены – моя опора,
Без них мерещится:
Я во дворе, который
Казался меньше.

Не было света в окнах
Напротив будки.
Дерево так промокло,
Что все набухло.

Люди ходили мимо,
Да так беззвучно,
Что мир казался иным
И даже скучным.

Кофе

Ты встаешь на работу в половине седьмого.

Через минуту спускаешься из подъезда.

– Доброе утро, Яша!

– И Вам, синьора.

Этот малый хоть и богат,

А на деле – бездарь.

Сядешь в автобус, пропитанный гнилью и потом.

Вспомнишь о друге, о жизни,

О брошенном институте.

– Доброе утро, Анна. Не выпьете кофе?

– Кофе может стать причиной инсульта.

Медленно к стулу брошенной собачонкой:

Через полдня спуститься из старой больницы.

– Добрый вечер, Яша!

– И Вам, сестренка.

Кофе сегодня явно не будет лишним.

Бес

Кто в тебе, почти безголосый?
Смотрю в зеркало, он мне шепчет:
– Ты еще будешь, малышка, взрослой.
Пока потерпи до вечера.

Сел и щекочет когтями нервы:
– Нас двое, но я здесь, как видишь, первый.
Долгим ли будет твой срок?
Смотрю в зеркало, он мне шепчет:
– Давай же, нажми на курок.
Ты еще будешь, старушка, свободной.
Пока подожди чуток.

Ударят копыта в асфальт, стемнеет.
Грязь потечет по трубе.
Два человека в растерзанном теле:
В неравной, по сути, борьбе.
– Ты не надейся на место под солнцем,
Прячься в другой избе.

Восемьдесят второй

Соседи мои, они же больны и тощи!
Шлют анонимки, каждый раз меняя свой почерк.
Я так шутил, когда не был настолько взрослым.
Люди, о ком вспоминают во время тоста:
Враг мой, другим поклявшийся не стреляться –
Мальчик лет двадцати. Ему только двадцать!
Рано вставал и бежал на первый автобус,
А я догоняла пешком, в запачканной обуви.
Пили вино, ели с кошачьих мисок,
К вечеру полусладкое было кислым.
Так я любил, когда ты мне слыла знакомой.
Люди, о ком всегда вспоминают дома:
Старая, уже год как не видит. Отчасти
Все еще представляет его живым,
Мальчиком босоногим. Главное счастье –
Это, пожалуй, вновь оказаться с ним.
В талом снегу две сережки и бронзовый крестик,
Он ему дорог, сколько бы там не весил.
Враг мой, другой поклявшийся не влюбиться,
Ты не спеши, подожди, пока стукнет тридцать.
Выйдешь во двор, там соседские дети рисуют
(Маму и папу, дорогу совсем пустую).
Так я и жил, пока время не ускользнуло:
Небритым, невежливым, вспылчивым и сутулым.

Пес

Долгожданный июнь. Гниль во дворе
Не дает дышать. У ворот
Больная собака, дворняга ждет,
Хозяин сидит в Кремле.

Смотрит в небо взглядом косым:
Не греет сегодня кровать.
А где-то пес больной, будто сын
Лег без отца умирать.

Рай

И в пути от дачи до метро
Мы спешим, друзья, к подножию Рая.
Очевидно, верим только в то,
Что за этой жизнью следует другая.

Та, что отделяет простыню
На больничной койке от завеса.
Та, где не указывают место,
Где под форточкой себя не простужу.

Не почую запах винограда
И сожженных на костре семей.
Только там я буду снова рада
Оказаться чуточку сильнеей.

В чужой шкуре

Волокиты, да клятвы. И тщетно друг другу львы штопают брюхо. Мы думаем: вот бы нам чем-то наполнить руку. В кого он вцепился, зажав на середке горло: земля тому пухом... Поэту уйти незаметным – не хватит духу. Как видите, ветераны: все – одногодки. Он лижет врагам своим раны, втирает мазь. Так звери в поисках мяса, уходят с пустым карманом. А если стащат, то вот же нахалы – ни с кем не делясь!

Ты

Будь ты деревом: голым и всемогущим,
Я б проходила мимо, не глядя назад.
Елок не видно, лес накрывают тучи –
Нет возможности просто тебя позвать.

Будь ты камнем (прочнее дамасской стали),
Брошенным с теплохода в морскую гладь,
Или страшной болезнью в последней стадии,
Я б побежала за ними, чтобы поймать.

Мне бы взобраться выше – поближе к солнцу,
Выйти на сцену и вдумчиво посмотреть:
Идет, напевая арию Марио Ланца,
И след его ног превращается медленно в твердь.

Будь ты домишкой, где-нибудь в Подмосковье,
Я б иногда проезжала, не глядя в окно.
Так и замолкну на самом последнем слове.
Правда, всегда есть место для первого «но».

Косой смотритель

Я вне себя, темнеет потолок,
И движутся на север две колонны.
Я сам себя от смерти уберег,
Теперь встаю с утра немного сонный.

Идут толпой трусливые щенки:
Народ, несчастный, ничего не видит.
Я больше планов выведал, чем ты,
Косой и необдуманный смотритель.

СССР

– Здравствуйте, мы говорили в семьдесят первом,
Вот я, давно превратился в седого коня.
Хоть стенки моих сосудов покрепче нервов,
Выгляжу на девяносто в семьдесят два.

Был инженером. Вы помните, Игорь Квашин?
В те времена без прописки и без жилья.
Вы меня очень редко о чем-то спрашивали,
Может быть, потому что спрашивал я.

Как Вы? Нам бы встретиться в Ленинграде,
В Сочи, в поселке где-нибудь, под Москвой.
Я не ошибся? Вы были когда-то Надей?
Мир еще, нам казалось, был очень пустой.
Сочи еще не готовили к Олимпиаде.
Вы не бросайте трубку. Ну же, постой!
Я искренне верю, что мы очень скоро поладим,
Жизнь коротка, чтобы видеться только весной.

– Здравствуйте, я не любил никогда пустословие.
Жизнь – это путь, а любовь в ней всего лишь нора.
Помните или нет, а зовут меня Колей.
Наденька, к сожалению, умерла.

Исчезнувшие

С кем пить в дождь?

Мой бронезильт на переулке,

Что кажется курьерам

самым навязчивым в этом городе.

Все меньше и меньше лифтеров встают к семи.

Иные растут любимыми целою сворою,

Кто-то, такой как я – только одним.

Старость пугает как мальчик

на входе в парадную,

Лет одиннадцати,

явно брошенный мамой до вечера.

Как только она приходит, соседи рады.

Я, кстати, перебираю мысли о вечном.

(На случай, если тоже кого-то оставляю).

Бутылка давно стоит на балконе,

с подбитым глазом.

Махаю левой котенку в сене, ведь если пить, –

С поэтом, а нам с ним хватает порой и раза.

Моя квартира слегка дурная,

в ней кто-то лазит:

Такой как я, и такой, каким я не умею быть.

Содержание

Биография в двух словах	3
Дети в пижамах	4
Черти	5
Бессмертие	7
В метель на крыше	8
Закладка асфальта	9
Останкино	10
Героин	12
Всенародный праздник	14
Быть трезвым!	15
Девушке с пистолетом	16
Долго	17
Рабовладельцы	18
В тюрьмах	19
Сигары	20
Пароход	21
Секундомер	22
Раненные тополя	23
Урожай	25
Калифорния	26
«Еще четверть и стрелка встанет на место...» . .	27
Бронебойка	28
Двадцать четыре	29
Урна с прахом	31
Телевидение	32

Простуда	33
Диктатор	34
«В будке слепого странника...»	35
Кофе	36
Бес	37
Восемьдесят второй	38
Пес	39
Рай	40
В чужой шкуре	41
Ты	42
Косой смотритель	43
СССР	44
Исчезнувшие	45

анна гольц

Шкура

Сборник стихотворений

*Книга издана в авторской редакции
Сохранены орфография и пунктуация автора*

Компьютерная вёрстка – Аникеева Е.А.

Дизайн обложки – Аверьянов А.А.

Подписано в печать 27.08.2013

Формат 60х84/32

Гарнитура «Times New Roman».

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 1,5.

Тираж 200 экз. Заказ № 270

ИПО «У Никитских ворот»

121069, г. Москва

ул. Большая Никитская, д. 50а/5,

тел.: (495) 690-67-19

www.uniki.ru